

инвариант цикла - дублируется вариантами сакрального союза и дьявольского смешения/‘плена’, крайним полюсом которого будет греховный инцест - предельная материализация метафизического плены души, ее растворения в темном лоне сурогатного инфернального отца. Дуализм Гоголя в значительной степени инспирирован гностико-манихейскими представлениями, которые широко распространялись не только через “высокую” мистику, но и апокрифическую литературу и народную культуру.

Рассмотрим теперь более детально в контексте всего сказанного одну из повестей цикла.

Майская ночь, или утоПЛЕННИЦА

Здесь, как было уже показано выше, обнаруживаются наиболее интересные метафизические трансформации всех семантических комплексов. В частности, речь шла о том, что в мистическом мире Тихой Вечности Левко открывается тайна ясной панночки-‘плененной души’⁷¹, которую он освобождает из плена, взамен получая в ‘ином’ мире санкцию на брак с Ганной. Теперь следует выяснить, как соотносится мистическая история панночки-утоПЛЕННИЦЫ с эмпирическим сюжетом.

Согласно положениям И.П.Смирнова, эмпирический и умопостигаемый миры находятся в отношениях “зеркального соответствия друг с другом”⁷², что объясняет связь двух сюжетов в МН - сюжета панночки и сюжета Ганны. Напомним, что в основе сюжета - типичная схема и конфигурация персонажей: неполные семьи возлюбленных (у Ганны есть только мать, у Левко - только отец), стремлению к их соединению препятствует отец Левко, ухаживающий за Ганной. Прежде всего обратим внимание на Ганну. Она самый загадочный персонаж и соотнесена с панночкой и ее историей. Эта связь обозначена на уровне сюжета и общих признаков: описание встречи Левко с

Ганной, которую он вызывает песней под окном ее дома, соотносится с его песней и встречей с панночкой⁷³. Обе героини соотнесены с "окном" (ср. обращение к Ганне - "...выгляни на миг. Просунь сквозь окошечко хоть белую ручку свою" - с видением панночки: "видит: наперед белый локоть выставился в окно"), которое подобно картинной раме являет ангельский лик, порождая иконографические коннотации в контексте цикла. Ганна, как и панночка, соотнесена с водной и небесной сферами (обе сопоставляются и с "ангелами божиими" через 'очи-звездочки' и 'окно'). Ср. также:

гАННА/Галю(='ясная')

пАННоЧкА

"Белое лицико"

"У сотника была дочка, ясная панночка, белая, как снег, как твое лицико", "белое лицо"

"Беленькие ножки"

"Погляди на белые ноги мои..."

"Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!"

"Я не могу чрез нее плавать легко и вольно, как рыба"

"В полуясном мраке горели приветно, будто звездочки, ясные очи; блистало красное коралловое монисто"

"Выглянула приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими"

"У меня есть <...> кораллы, ожерелья"

Дом Ганны находится на берегу пруда (Ганна с Левко сидит "у дверей хаты" и видит, "как тихо колышется во-

да"), "старый деревянный дом" сотника скорее всего находится на противоположном берегу, что образует симметрию. Ганна связана с прудом/водой и с историей старого дома. Ее воспоминание о нем включает мотив сна, детства, матери и "страшного": "Я помню, будто сквозь сон <...> давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное рассказывали про дом этот" (I, 156). Просьба Ганны рассказать историю панночки эквивалентна просьбе панночки распознать ведьму. В обоих случаях присутствует мотив 'мучений', к тому же Ганна связывает историю со своим душевным спокойствием: "<...> если не расскажешь. Я стану мучиться да думать..." (I, 156). Причина ее беспокойства - ведьма ("А ведьма?" - боязливо прервала Ганна, устремив на него прослезившиеся очи"; ср. с панночкой: "Слезы тихо покатились <...> посмотри на очи: они не глядят от слез"). Таким образом, между тягостным состоянием Ганны и историей панночки возникают причинно-следственные отношения.

Рассказ Левко вновь дублирует негативную семейную ситуацию: дочь - отец - мачеха. Ганна здесь сравнивается с дочерью сотника, что в системе других признаков идентифицирует ее с утопленницей, дочерью сотника. Эта идентификация мотивирует не только странную "задумчивость" и "тоску" Ганны, ее чуждость этому земному миру, но также ее странные отношения с отцом Левко. Остановимся на этом несколько подробнее.

Ганна "два месяца только в стороне родной, и уже соскучилась". Она отчуждена от этой жизни - "недобрые у вас люди... мне веселее у чужих было", "движение тоски выразилось на лице ее при последних словах". У нее строгая мать, но странная, так как она упоминает и другую мать - "когда я еще была маленькою и жила у матери". Противопоставление "своего" мира и "чужого" таково, что в "своем"/земном она чувствует себя чужой. Ничего не сказано о ее прошлом и неизвестно, как и откуда она попала в

этот мир. Это типичная гностическая мотивика "чужой" в земном мире, освоенная романтизмом и прежде всего немецким⁷⁴. Она мотивирует задумчивость, тревогу, беспокойство и страх Ганны, знаменующие ее принадлежность "иному" миру. "Задумчивостью" у Гоголя наделены женские персонажи, и проявляется этот признак обычно рядом с "водой" и "зеркалом"; зрительный контакт с "водой" или с признаками "водной стихии" связан с мистическим приобщением и означает встречу с *Anima*⁷⁵. Ср., например, задумчивость Пааски при взгляде на реку / "цельное стекло" / "бездну" и ее состояние при смотрении в зеркало, эксплицирующим 'скрытое'. Этот взгляд-контакт ознаменован временной утратой сознания, состоянием забвения и невменяемости. Задумчивость также связывается с воспоминанием/припоминанием прошлого, детства, матери и выводит в конечном счете к мотивам 'плена души'.

Парадигма 'вода - дитя - душа - плен' включает мотив отражения плененных звезд и неба, что поддерживает 'ангельские' коннотации Ганны. Таким образом, задумчивость и тоска Ганны (ср. в рассказе о панночке - "*тоска ее взяла*") это не только знак приобщенности к мистической реальности, как в романтизме, но и симптом зависимости, связаннысти, 'плена души', что отсылает к центральной мотивике гностической мифологии. А так как в "Вечерах" эти состояния связываются с детством, матерью и прошлым⁷⁶, в которое входит "страшное" (утрата матери, преступление и грехопадение, следствием чего является инфернальная власть родительской сферы над душой), то становится понятной связь Ганны и утопленницы. Таким образом, прошлое в МН связано с утратой и отца и матери, которых замещают ложные родители. Эта схема предельно обнажена в СМ: убийство матери Катерины порождает отцовскую власть над ее душой и его инцестуальные притязания, которые, как уже отмечалось выше,

становятся предельным выражением метафизического плена души.

Неслучайно в этом контексте появляется мотив 'крылатой души' ("Что, если бы у людей были крылья, как у птиц, - туда бы полететь, высоко, высоко..."), который отсылает к мотиву крылатой души у Платона ("Федр", 243e-257в) и соотносится со словами Давида "кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы" (Пс., 54:7). Слова Ганны о "крыльях" мотивированы предшествующими указаниями на ее задумчивость, тоску, на ее "чуждость" среди людей, жалобой на "недобрых людей". Заметим, что слова Давида о "крыльях" связаны с мольбой избавить "в мире душу мою от восстающих на меня" (Пс., 54:19) и предваряются состоянием "страха", "трепета" ("я стенаю в горести моей, и смущаюсь От голоса врага <...> Страх и трепет нашел на меня, и ужас обнял меня" (Пс., 54:3-6). У Гоголя мотив "крыльев" приобретает также значение гностического бегства из земного плена и возвращения в небесную обитель Бога-Отца⁷⁷.

Проясним теперь странную связь Ганны с инфернальным отцом Левко - Головой. Притязания Головы имеют основания: Ганна находится в какой-то зависимости от отца и, более того, она заинтересована его любовью. Напомним, что Левко находит их среди деревьев, после того как за Ганной "с визгом задвинулся железный засов" ее хаты. Странность здесь заключается уже в самой готовности к разговору. Сам разговор еще более странен, она упрекает Голову в неподлинности его чувств и обмане: "Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил" (I, 162). Весьма прозрачная инцестуальная мотивика этого эпизода соотносится с разговором панночки со своим отцом сотником: "Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену? - Буду, моя дочка; еще крепче прежнего стану прижимать тебя к сердцу!" (I, 157). Недоверие

Ганны к признаниям Головы мотивировано уже сбывшимся "обманом" сотника, а ее влечение к отцу Левко может прочитываться как бессознательное метафизическое стремление к утраченному Отцу.

Учитывая зеркальные соответствия, обоснованные И.П.Смирновым, легко заметить, что текст МН строится на системе двойников и дублировании ситуаций: эмпирический сюжет точно отражает и рассказ Левко и его сновидение - Голова соотнесен и с сотником (является отцом Ганны), и с ведьмой, и с прудом-старцем (ср.: "*железные когти*" кошки-мачехи отзываются "*опытным котом*" Головой с "*железными лапами*", игра "*в ворона*" - поимкой "*птицы*"-Левко, вместо которого "*попали на эту ворону*" и т.д.). Несмотря на то, что эмпирический сюжет дает комические/карнавальные версии трагической основы, вводит тему 'ночного' смешения/неразличения (Левко уравнивается со "*своячницей*", Ганна - с Головой и т.д.), он в силу повышенной когерентности текста, его пандетерминизма и панпсихизма, свойственных романтизму, нагружается мистическим смыслом истории пленения и освобождения души. Левко не может жениться на Ганне до тех пор, пока не освободит ее душу. Освобождая ее душу в том мире, Левко тем самым освобождает ее и в этом.

Идентификация Ганны с панночкой-утопленницей расшифровывает историю души Ганны. Тайна Ганны раскрывается прошлым, а прошлое сдвинуто в область сновидения, таким образом, сон интерпретирует эмпирический сюжет на хроногенетической оси⁷⁸. Его соотнесенность с припоминанием/воспоминанием, с мистическим созерцанием 'иного' мира позволяет трактовать не только 'сон', но и 'иной' мир как бессознательное персонажа. Бессознательное получает временную и пространственную локализацию и выражение. Пространственно-временное кодирование бессознательного соответствует панпсихизму романтического мира, который делает относительным по-

нятие времени и пространства, синхронизируя диахро-нию. В мистическом контексте 'ночная' сфера "Вечеров" воспроизводит 'ночное' сознание, точнее - бессознательное, вплотную соприкасающееся с темной бездной гностического мира, удерживающего 'свет' и 'душу' в плену. Прошлое, перешедшее в бессознательное персонажа⁷⁹, таким образом, вытесняется/замещается 'иным'/'чужим' миром. Ср. замечания И.Д.Ермакова, который писал о "бессознательном влечении" как проявлении греховности прошлого рода: "Грехи предков - тяжелый груз, который накладывает на человека его прошлое, прошлое его рода, проявляющееся в бессознательных влечениях"⁸⁰.

С мифологизированной историей грехопадения человеческого рода, у истоков которого стоит преступление, у Гоголя совмещается другая мифология - восходящая к гностико-манихейским представлениям о дуализме мира и души человека, в которой светлое начало находится в плену темных сил. Тенденция, намеченная в "Ганце Кюхельгартене", здесь получает свое дальнейшее развитие, обрастаая целым комплексом значений ночного хаоса, обнажая тем самым две линии противоборства божественного и хтонического. Очертания последнего имеют не только форму фольклорно-мифологического бесовства, но и глубинной раздвоенности мира и человека в их онтологических основаниях. Мистическое переживание такого мирорядка окрашено религиозным чувством, часто называемым автором православной верой. Эти утверждения можно принять только при условии учета ее специфики в народной культуре, одновременно принимая во внимание ее малороссийскую гетерогенную природу.

Следует обратить внимание и на то, что тема Церкви как института не получает в "Вечерах", как показывает работа Л. Амберга⁸¹, позитивной разработки, более того, она занимает периферийное место, которому противопоставлен синкретизм живого мирочувствия, объединяющего

языческие суеверия, мистицизм и одухотворенный пантеизм. В этом средоточии заключены тайны души. "Миргород" и последующее творчество вплоть до второго тома "Мертвых душ" и "Выбранных мест" будет разворачивать варианты "внешней Церкви" как 'пустого' пространства. Ранний религиозный мистицизм будет поддерживать и питать такое представление, находясь под мощной властью самой возможности прямого, внутреннего мистического переживания общения с Богом.

Своебразным смысловым итогом и логическим переходом от "Вечеров" к "Миргороду" и последующему творчеству стала повесть "Иван Федорович Шпонька и его тетушка", которую следует рассмотреть более детально.

АННИГИЛЯЦИЯ СЮЖЕТНО-МОТИВНОГО КОМПЛЕКСА "ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ": ТАЙНА "ИВАНА ФЕДОРОВИЧА ШПОНЬКИ И ЕГО ТЕТУШКИ"

Рассмотренные выше мотивные комплексы, связанные с метафизической перспективой, уже в пределах "Вечеров" подвергаются аннигиляции - обессмысливанию⁸². Это касается прежде всего развития комически-бытовой тенденции, которая ведет к овеществлению и материализации мистических аспектов. Перевод метафизических/мистических аспектов из трансцендентной сферы в материальный эмпирический план дает разнообразные фигуры онемения и окаменения, "мертвую тишину" пустоты, эквивалентом которой становится жужжащая муха либо "страшная рука <...> из фризовой шинели". Источник и предмет мистических переживаний перемещается из трансцендентной сферы в эмпирическую, наделяя последнюю значением иррационального псевдобытия. Метафизическая иерархия разрушается, а вертикаль заменяется гротескной горизонталью, уравнивающей "небо" с конгломератом всякой "дряни". Так возникает гоголевский мир негативной